

Глава 1

Слава богу, до летних каникул всего неделя. Сегодня такая жара! Одежда прилипает к телу, а мозги плавятся. Я даже не доделала математику в школе, придётся теперь сидеть над ней дома.

Я вошла в наш подъезд, мечтая о большом стакане холодного лимонада. Вызвала лифт и жду. Он спускается, лифтёр Генри открывает дверь и только собирается нажать мой этаж, как в подъезд врывается Питер Хэтчер со своей дурацкой собакой.

— Подожди, Генри! — кричит Питер. — Я с вами.

— Не жди, пожалуйста, Генри, — говорю я. — Мы все не поместимся.

Но Генри открывает дверь и ждёт.

— Лифт рассчитан на десятерых, — говорит он. — Эта собака, думаю, весит как полтора человека. Да нас трое. В итоге получается четыре с половиной.

Иногда хочется, чтобы Генри поменьше умничал.

— Здравствуй, Генри, — сказал Питер. — Спасибо.

— На здоровье, Питер, — ответил Генри.

Тогда я вышла из лифта, зажав нос.

— Извините. Не могу ехать с этой псиной. Она воняет.

Сердце у меня грохотало так, что Генри и Питер наверняка слышали. И я точно знаю, что эта собака, Черри, смеялась надо мной. Она высунула язык и облизнулась. Небось, уже обдумывала, куда бы меня укусить. Я сказала «фу» и зашагала через холл с гордо поднятой головой.

Генри крикнул:

— Десять этажей — это высоко, Шейла!

— Я в курсе! — крикнула я в ответ.

А Генри-то был прав. Эти десять этажей я еле-еле осилила. Когда дотащилась, вообще дышать не могла — пришлось посидеть на ступеньках, дух перевести. По лицу бежали капли пота. И всё равно я молодец: притворилась, будто не выношу Черри из-за запаха. Я всегда затыкаю нос, когда встречаю Питера с собакой. И правду он никогда не узнает!

Я вытерла лицо и поплелась к квартире. На нашем этаже только у миссис Риз есть пёсик, но такой крохотный, что я его совершенно не боюсь. Миссис Риз называет своего любимца Деткой, вяжет ему свитерочки и всё время носит его на руках.

Я распахнула дверь в нашу квартиру и пошла напрямиком в кухню — очень хотелось пить.

— Это ты, Шейла? — спросила мама.

— Да.

— Весело было у Лори?

— Да. — Я выпила одним глотком целый стакан апельсинового сока.

— До сих пор жарко? — спросила мама.

— Не то слово.

— Ты купила молока?

Ой-ой-ой. Не зря у меня было чувство, будто что-то не так.

— Шейла... Молоко купила?

— Нет. Забыла.

Я пошла в гостиную. Мама читала книгу. Играла музыка, и сестрица Либби кружилась в розовых балетках. В свои тринадцать Либби считает себя великой балериной. Танцует она так, что хочется рожу скривить, но я лучше не буду — если она заметит, мне не поздоровится.

Мама сказала:

— Сходи за молоком, Шейла.

Я упала в кресло и простонала:

— Не могу, мам. Я еле живая. Поднималась по лестнице.

— Только не говори, что лифт сломался.

— Нет, не сломался.

— Тогда зачем было пешком подниматься?

— Не знаю, — говорю. — Вдруг захотелось.

— Шейла, ты ничего умнее не придумала? В такую-то жару? Иди полежи немного до ужина.

— Это обязательно? — спрашиваю.

— Да, обязательно. А Либби сходит за молоком.

Либби сделала три пируэта, и только тогда мы дождались комментария:

— Не видишь, что ли? Я тренируюсь!

— Тренировка подождёт, — сказала мама. — Мне нужно молоко на ужин. Папа скоро придёт.

— Ну Джин! Я же в гимнастическом трико! — возмутилась Либби. Когда-то Либби говорила как я — «мама», но с тех пор, как стала старшеклассницей, перешла на «Джин». Всё-таки она очень странная.

— Надень юбку, никто и не заметит, — ответила мама. Потом взглянула на меня: — Шейла, чего ты ждёшь? Я сказала, иди ложись.

— Да ладно, ладно. Иду.

Я сняла туфли и поставила их носками в сторону нашей с Либби комнаты.

Каждый вечер перед папиным приходом я ставлю их по-новому. У нас с папой такая игра. Я где-нибудь прячусь, а папа должен меня найти. Единственная подсказка — мои туфли. Я придумала эту игру в семь лет, и с тех пор мы не пропустили ни дня.

Либби говорит, что в десять лет была гораздо взрослее меня. Вот дурында: добровольно лишать себя веселья! Папа точно огорчился бы, если б я перестала играть.

Я растянулась на кровати, а Либби перекапывала шкаф в поисках юбки.

— Одна морока с тобой, — сказала она. — Слышишь, Шейла? Одна морока.

Я не ответила.

— И что тебя дёрнуло по лестнице пойти, а?

Молчу.

— Ты что, собаку в лифте увидела? Ага, точно. Могу поспорить, что в лифте оказалась миссис Риз с Деткой.

— А вот и нет!

Либби выудила наконец юбку и напялила поверх трико.

— Ну, значит, Питер Хэтчер с Черри.

— Может, да, а может, и нет, — пробурчала я.

— Трусиха, трусиха, трусиха! — пропела Либби, выходя из комнаты.

А я зажала уши руками.

Либби вернулась с молоком, а скоро и папа пришёл. Услышав его обычное «привет, я дома», я спрыгнула с кровати и залезла под неё.

Потом, наверное, он увидел мои туфли.

— Та-а-ак! — сказал он. — Где же наша Шейла?

Найти меня было раз плюнуть. Не очень-то у нас много укромных местечек. И всё же папа делал вид, что не представляет, где меня искать.

Зайдя к нам в комнату, он принялся открывать ящики комода.

— Хм-м, — говорил он, — здесь Шейлы нет. И здесь нет.

Я засмеялась. Папа же знает, что в ящик я не помещусь. Наконец он поднял покрывало и заглянул под кровать.

— Ага! Вот она!

Я вылезла и чмокнула его в щёку. Тут зашла Либби.

— Зря ты ей потакаешь, — сказала она папе. — Так она и останется маленькой.

— Я не маленькая! — рассердилась я.

— Тогда, может, хватит играть в эти детские игры?

— Ладно, Либби, перестань! — сказал папа.

— Ну конечно, — окрысилась Либби. — Ты, как всегда, на её стороне.

— Я ни на чьей стороне. Хватит об этом, пошли ужинать. У меня для вас новости.

Новости наверняка про планы на лето. Всем не терпелось узнать, что нас ждёт. Лично я хотела в Диснейленд, но мама с папой давно мне сказали: «И не мечтай».

Когда мы сели за стол и принялись за еду, папа сказал:

— Нам сдают дом!

— Ой, Жужа! — сказала мама. — Замечательно!

Когда уже папу перестанут звать Жужей, а? Он же Бертрам! Чувствуешь себя довольно глупо, когда твоего отца называют Жужей.

— Что за дом? — спросила Либби.

— В Тарритауне. Это дом моего коллеги, который на лето уезжает в Англию.

Мой папа работает в колледже «Мэримаунт Манхэттен». Преподаёт английский. Либби говорит, что, когда вырастет, в «Мэримаунт» не пойдёт, там мальчиков мало. Либби считает, что мальчики — это о-о-очень важно. Я же говорю, она у нас с приветом!

— Звучит неплохо, — сказала мама. — Всё лучше, чем проторчать июль и август в городе.

— Надеюсь, в Тарритауне есть чем заняться, — сказала Либби. — Мне так хотелось позагорать на пляже.

Разумеется, у Либби новый купальник-бикини, и она ждёт не дожждётся, когда можно будет в нём повыпендриваться.

— Тебе там понравится, — сказал папа. — Недалеко от дома бассейн, к тому же в городе есть очень хороший дневной лагерь.

— Я уже выросла из дневного лагеря, Бертрам, — прервала его Либби. — И ты это прекрасно знаешь!

— Но не из такого. Туда детей младше десяти даже не берут. Это лагерь искусств.

— Ну я же не по части искусств. Ты и это прекрасно знаешь.

— Театральное мастерство, музыка и танцы — тоже искусства, — сказал папа.

— Танцы? — спросила Либби совсем другим голосом.

Мама и папа расплылись в улыбках. Они, похоже, с самого начала знали, что Либби будет счастлива провести лето в своих дурацких балетках.

— Ура-а-а! — завопила она.

— А как же Диснейленд? — встряла я.

— Мы тебе говорили, что даже обсуждать его не будем.

— Говорили. Но я же от этого не перестала о нём мечтать.

— В Тарритауне у тебя будет собственная спальня.

— Правда?

— Да. В доме профессора Эгрна четыре спальни.

Хм-м-м... Собственная спальня. А что? Неплохо.

— И плавать можешь поучиться, — добавила мама.

— Я не хочу учиться плавать.

— Там будет видно. Не обязательно решать это прямо сейчас.

— А можно моя комната будет подальше от комнаты Либби?

— Там будет видно, — повторила мама. — Доедай фасоль.

На следующий день я сказала Питеру Хэтчеру:

— А я на целое лето уезжаю. У меня будет собственная спальня.

— Поздравляю.

— Так что можешь не мыть свою собаку. Пусть себе воюет.

— Моя собака велела тебе передать, что ей твой запах тоже не нравится, — сказал Питер. После чего удалился вместе с Джимми Фарго, причём оба покатывались со смеху. Воображают себя такими остроумными! И зачем я тратила время, дразня их «вошами»? Надеюсь, в следующем году мне повезёт и мы с этой парочкой окажемся в разных пятых классах.

В холле я встретила миссис Риз.

— Мы уезжаем на всё лето, — похвасталась я. — У меня будет собственная комната с цветами на обоях, кружевными занавесочками и бра в виде свечек.

А она:

— Надо же, как тебе повезло! Детка тоже с удовольствием уехала бы, да некуда.

Я и Генри сообщила, что меня не будет целых два месяца.

— Буду спать в собственной комнате на кровати с балдахинном!

Генри сказал:

— Мне будет тебя не хватать, Шейла. Кто же мне напомнит, сколько народу помещается в лифт?

Мы с Генри засмеялись.

— А я уже рассказывала, какой там ковёр на полу?

— Нет, — сказал Генри. — Про это ещё не рассказывала.

— Ну вот, он такой мягкий, пушистый и весь жёлтый, только посередине большая красная роза. Ногам так приятно по нему ходить, что и тапочек не надо. Летом, по крайней мере.

— Ух ты! Да, Шейла, чудесно.

Это точно. Чем больше я об этом говорила, тем больше воодушевлялась. Всё лето в Тарритауне. Всё лето в частном доме. Всё лето в собственной красивой комнате!

Это звучало почти так же здорово, как Диснейленд. Даже сборы и дорога не омрачили мне радость. Скорее бы очутиться на месте!

Очутились. Вот тут-то я и узнала про Дженнифер.

Глава 2

Дженнифер — маленькая, с коричневыми и белыми пятнами и длинными ушами. Либби, увидев её, завопила:

— Какая лапочка!

— Она прилагается к дому, — объяснил папа. — Это собака профессора Эгрона, а на лето — наша.

— Я возвращаюсь в машину, — сказала я.

Папа удержал меня за руку.

— Она не кусается.

— Кто бы сомневался. — Я вырвала руку. — Но лучше я подожду в машине, пока вы решаете, куда её деть. Учтите: или я, или она!

Я бегом вернулась к дороге, запрыгнула в машину. Меня трясло. Вот, значит, как они поступили с собственным ребёнком? С любимой младшей дочкой? Неужели они не понимают? Неужели им всё равно?